

Экспедиционные истории. Эпилог

А. В. Архипов

Вместе с немногими друзьями и коллегами мне посчастливилось разделить с Александром Евгеньевичем его четыре последние экспедиции на Кавказ — две в Арчи (2006 и 2007) и две в Хиналуг (2007 и 2008).

Экспедиции эти проводились в рамках проекта NSF «Пять языков Евразии»¹. Его целью было документирование нескольких малых языков в соответствии с современными техническими и методологическими стандартами — высококачественная аудио- и видеозапись, стандартизованные методы обработки, сохранение материалов в общедоступном электронном архиве. Наша группа под руководством А. Е. избрала своей целью языки, давшие начало осипловским экспедициям — арчинский (знакомство А. Е. с которым состоялось в 1967 г. во время первой осипловской экспедиции в лакский) в Дагестане, хиналугский в Азербайджане и алюторский на Камчатке. Но к алюторцам (в 2008—09) Александр Евгеньевич с нами уже не поехал.

Для всех нас была волнительной встреча с местами и людьми, впервые принявшими в те годы московских лингвистов. Многое с тех пор осталось неизменным, но многое и поменялось за эти годы в жизни селений. До Арчи (Арчиба, как сейчас говорят) из Махачкалы теперь можно доехать за пять-шесть часов на маршрутке. Появилась мобильная связь, благодаря которой Марина Чумакина за зиму получила по СМС несколько сотен новых слов для арчинско-англо-русского словаря. Исчез из повседневной жизни традиционный костюм арчинских женщин, так впечатливший в своё время А. Е. — на покос выходили в облачениях с массивными серебряными украшениями; исчезли традиционные ремёсла, такие как лужение и плетение сумок.

В Хиналуг, куда зимой можно было добраться только на лошадях, провели асфальтированную дорогу, по которой теперь приезжают на джипах туристы из Баку полюбоваться горными красотами. В домах появились телефоны (так что можно позвонить информанту и договориться о встрече, прежде чем спуститься из верхней части селения к реке), а у нас даже Интернет.

Сильнее всего за минувшие годы изменилась жизнь на Вывенке, и не в лучшую сторону. В переломные 1990-е годы жители посёлка, затерянного на тихоокеанском побережье Камчатки, были фактически брошены на произвол судьбы властями всех уровней — не было ни топлива, ни продовольствия; люди выживали как могли на подножном корму и остатках советских запасов; да и последующие годы большого облегчения не принесли. Здания ветшали и разрушались, приходило в негодность отопление, колодцы с питьевой водой, канализация. Богатейший когда-то колхоз разорился, всё поголовье оленей было уничтожено. Вместе с оленями канул в небытие и традиционный уклад жизни, весь строившийся вокруг жизни табуна. В редком доме сейчас можно найти настоящую кухлянку (куртку из оленьей шкуры). Немного лучше дело обстоит с рыболовным промыслом. Но участки, выделяемые для лова коренным жителям, зачастую находятся в наименее удобных местах, вдали от мест традиционного лова. Заготовкой юколы (вяленой рыбы) занимаются немногие, и единственный среди них, кто по старинке запасает специальную юколу для собак — русский по имени Юра, освоивший местные обычаи чуть ли не лучше самих алюторцев. Не щадит эти края и стихия — разрушительное землетрясение 2006 г., шторма и ураганы причинили немалый ущерб Вывенке и райцентру Тилички. В результате многие жители покинули родные места, перебравшись в Петропавловск и его окрестности, где говорить по-алюторски, естественно, не с кем.

Ровесница А. Е., Вера Васильевна Васагиргина всё детство провела в тундре. Когда в 12 лет она попала в школу в посёлке, первый год вообще не понимала, что говорит учительница. Теперь же её внуки едва ли могут сказать несколько слов по-алюторски. Всего лишь две смены поколений — и язык уже обречён. Молодые информанты 70-х, ныне 50-летние, оказались последними, кто сохраняет активное знание родного языка. И здесь, увы, учёные, как всегда, опаздывают: похоже, лучшее, что лингвистика ещё может сделать для алюторского языка — это хороший, но неживой архив.

¹ Благодарю за поддержку фонд NSF, грант #0553546. Сайт проекта: <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/>, <http://languedoc.philol.msu.ru/>.

* * *

Многое из этих экспедиций я буду вспоминать ещё долго. Как А. Е. неизменно ворчал всякий раз, когда попадал в кадр моего фотоаппарата или камеры с сигаретой. Как бабушка Майсарат укоряла его за то, что он, профессор, ходит со старой потрёпанной сумкой — а он убеждал её, что это оттого, что таких долговечных теперь не делают. Как А. Е. ценил и рассчитывал время, ничего не откладывая «на потом» (эту науку мне оказалось постичь труднее всего!). Как переживал из-за непредвиденных задержек и успевал навёрстывать график несмотря ни на что — во время десятидневной поездки в Арчи в октябре 2007 г. мы на четверо суток остались без света из-за внезапного снегопада, но тем не менее успели записать все намеченные тексты. Как настойчиво добивался лучшего, касалось ли дело качества обеда или качества работы — «старые» арчинские тексты мы перезаписывали дважды и трижды, добиваясь большей плавности чтения, лучшей интонации, ракурса, освещения (для последних записей мы возили с собой проектор и мощную лампу, и Булбул читала тексты с импровизированного экрана-простыни, в промежутках ведя переговоры с рабочими, которым именно во время наших сеансов записи нужно было строить каменный забор). И как он умел идти вперёд, не оглядываясь на прошлые неудачи, начиная всё с нуля.

Буду помнить, как А. Е. заболел в Хиналуге и, сам ещё с температурой, опытной рукой делал уколы нашему хозяину — фельдшера было не найти. И, конечно, я буду помнить долгие беседы («глубокой ночью в позе отдыха», как говорит А. Е. в хиналугском фильме) — о людях, об экспедициях, о жизни. К сожалению, их я записал гораздо меньше, чем арчинских текстов.

* * *

С Александром Евгеньевичем я знаком меньше, чем большинство авторов этого сборника — всего полжизни (сейчас мне 34, а в сентябре 1995-го было неполных 17). Но я знаю, что и тридцать лет спустя правильность многих своих решений и поступков буду проверять, мысленно советуясь с ним.

Вечная память.